Содержание

Введение: как стать миллиардером 9
1. Вперед, к деньгам. 13
2. Выбери верное время для старта. 33
Как достичь величия 54
3. Бесстрашно поджигай мир 59
4. Забудь о прошлом, смотри только в будущее 71
Как управлять временем 85
5. Преобразуй себя 89
6. Всякую свою обязанность исполняй радостно. 104
Как стать милосердным 116
7. Спокойно преодолевай трудные ситуации. 120
8. Поднимайся после всякой неудачи 132
Случай из практики в сфере недвижимости 152
9. Преследуй свою цель, забудь о добродетели. 156
10. Никогда не впадай в отчаяние и апатию 171
11. Глубоко вникай во всякую проблему 185
12. Сотрудничай с родственной душой, которая тебя понимает. 200
Как выстроить сделку с недвижимостью — случай из практики, продолжение 217
13. Наслаждайся счастливым случаем 223
14. Даже красота поблекнет 239
15. Бойцовскому духу покоряются горы и реки. 248
16. Остерегайся грома среди ясного неба 265
Как быть изобретательным — случай из практики в сфере недвижимости, продолжение 281
17. Развивай в себе остроумную светскую личность 286

18. Будь готов всем пожертвовать 308
Случай из практики: человеческие отношения 325
19. Обратной дороги нет 329
20. Даже в мирное время будь готов к опасности 339
Как не расстаться с мечтами — случай из практики, продолжение 353
21. Воспринимай чужие мысли как свои собственные 358
22. Со временем границы изменяются 370
23. Ничто не вечно — ни добро, ни зло 385
24. Распахни объятья светлому будущему 398
Как стать милосердным, дополнение 419
25. Учись минимизировать свои потери 424
26. Стремись увидеть картину целиком 444
27. Ничто в жизни не вечно 463
Как не забыть — случай из практики, окончание 471
28. Отправляйся в дальний путь, продолжай поиски 480
29. По сонным волнам жизни 486
30. Путь долог 493

Благодарности 495

Посвящается О Ти Минь и Яп Чи Чунь

Коли человек живет без внешнего давления, но сам создает
в себе внутреннее напряжение, то нельзя сказать, что он пуст.
Чеслав Милош, «Порабощенный разум»

Введение: как стать миллиардером

Когда-то — точную дату не помню — я решил, что в один прекрасный день ужасно разбогатею. Я имел в виду не просто комфортное житье, но изобилие, безмерное богатство, какое может нафантазировать только ребенок. И нынче всякий раз, как от меня требуют назвать конкретное время зарождения этих мыслей, я отвечаю: видимо, произошло это в отрочестве, когда я осознал истинную цену жизненных сокровищ, но еще не вполне уразумел множество препятствий на пути к ним, ибо, должен признать, в моей погоне за деньгами всегда было что-то неисправимо детское.

Любимыми телепрограммами у меня, взросшего в малайзийской глубинке, были сериалы, действие которых происходит в какой-нибудь американской юридической фирме. Нынче уже забыты все детали — актеры, сюжеты, декорации, — затушеванные пеленой времени, скверных субтитров и перебоев в вещании (электрогенератор и антенна с предсказуемой очередностью барахлили, что в те дни считалось вполне обычным). Наверное, я не сумею пересказать ни единого эпизода из тех мыльных опер, да

меня вовсе не интересовали их надуманные драмы: перепады настроения героев, плачущих от обретенной или потерянной любви, ссоры, примирения, постельные сцены и т. д. Казалось, все персонажи попусту тратят время, которое могли бы провести с большей пользой, и это, похоже, мне изрядно досаждало. Ну да бог с ними, с этими мимолетными впечатлениями, но вот что и впрямь я запомнил, так это заставки к сериалам — сногсшибательная панорама сверкающих небоскребов из стекла и стали, люди в идеально сшитых костюмах и с кейсами в руках исчезают за вращающимися дверями, нескончаемый поток машин на залитых солнцем магистралях. Всякий раз, усаживаясь перед телевизором, я думал: когда-нибудь и я буду владеть таким же вот зданием, огромной башней, заполненной умными и трудолюбивыми работниками, претворяющими свои фантазии в жизнь.

Обычно меня привлекали только начальные кадры, а собственно кино оставляло равнодушным. Куча профуканного времени.

Сейчас, вспоминая свои детские мечты, я смущенно усмехаюсь, ибо сознаю, насколько был глуп: не стоило скромничать в желаниях и так долго тянуть с их реализацией.

Говорят, легендарный воротила Сесил Лим Ки Хуат (в сто один год он все еще *compus mentis*[1]) свой первый барыш получил в восемь лет, торгуя с тележки арбузами на старой прибрежной дороге в Порт-Диксон. В тринадцать лет он держал кофейню в Серембане, а в пятнадцать наладил в полупромышленных масштабах ремонт и повторное использование автомобильных запчастей, гениально предвосхитив возникновение подобной практики.

1 В здравом уме (*лат.*).

Ему было восемнадцать, когда он служил посыльным в Колониальном клубе и счастливый случай свел его с молодым помощником окружного главы Маккинноном, лишь недавно прибывшим из Файфа в Малайские Штаты. История умалчивает об истинной природе их отношений (гадкие слухи о шантаже не нашли подтверждения), но любые домыслы, всякие «что да как» и «если бы да кабы» бессмысленны, в чем позже мы убедимся. Опираться стоит лишь на реальные факты: после безвременной кончины Маккиннона (несчастный случай на воде) Лим получил достаточно денег для открытия в Сингапуре первой страховой фирмы, небольшого предприятия, которое со временем превратилось в Зарубежную Китайскую страховую компанию, до своего недавнего краха бывшую краеугольным камнем малайзийско-сингапурского коммерческого ландшафта. От людей вроде Лима можно почерпнуть много, однако изучение их опыта потребовало бы отдельной книги. Пока что удовольствуемся вопросом: а что делали вы в свои восемь, тринадцать, пятнадцать и восемнадцать лет? Я полагаю, ответ будет «Ничего особенного».

В бизнесе и жизни всякий незначительный эпизод — проверка, всякая случайная встреча — урок. Зрите и учитесь. И тогда, возможно, достигнете того, что имею я. Но время летит быстрее, чем вы думаете. Даже читая эти строки, вы уже играете с ним в догонялки.

К счастью, вам дается второй шанс. Мой совет: воспользуйтесь им. Третий выпадает редко.

1

出去

Вперед, к деньгам

Парень возле стойки ждал свой кофе, в такт музыке покачивая головой. Фиби его приметила, едва он вошел в бар. Уверенная пружинистая походка говорила о привычке ступать по коврам. Он заказал два латте и кекс под пудрой зеленого чая, расплатившись серебряной кредиткой Промышленного и коммерческого банка Китая, которую достал из бумажника в черно-серую клетку. Немного моложе Фиби, лет двадцати двух — двадцати трех, парень уже владел стильным авто — серебристо-голубым хетчбэком, чуть было не задавившим ее, когда она переходила улицу. Удивительно, как легко и зорко Фиби подмечала подобные детали. Давно ли обрелось это свойство? Такой она была не всегда.

На улице ветви платанов, процеживая яркое сентябрьское солнце, разрисовали тротуар красивым узором. Листья танцевали под легким ветерком.

— Нравится такая музыка, да? — спросила Фиби, потянувшись к плошке с сахарными пакетиками.

Прибыл заказанный кофе.

— Это босанова, — сказал парень, словно дав исчерпывающее объяснение, которое Фиби не поняла.

— Ну да, я тоже люблю испанскую музыку!

Парень хмыкнул, балансируя подносом.

— Эта — бразильская.

Он даже не взглянул на Фиби, да оно и к лучшему, поскольку во взглядах свысока, какими ее часто одаривали в Шанхае, всегда читалось «ты никто, и звать тебя никак».

И потом, Испания и Бразилия — почти никакой разницы.

Кофейня в европейском стиле располагалась в конце Хуайхай Лу, в этот субботний день запруженной народом. Но для Фиби, с тех пор как она приехала в Шанхай, неделя больше не имела четкого разграничения на выходные и рабочие дни. Один бессмысленный день переваливался в другой, и происходило это уже слишком долго. Фиби сама не знала, что она делает в этой части города, ведь здешние магазины были ей не по карману, а чашка итальянского кофе стоила дороже ее блузки. План ее был полной дурью, на что она рассчитывала? Видимо, надо все пересмотреть.

Фиби Чэнь Айпин, чего ты вечно трусишь? Не бойся! Неудача исключается! Ты должна выбраться сама и вытащить свою семью.

Она завела дневник, в который ежедневно записывала свои самые жуткие страхи и чокнутые устремления. Этот способ Фиби почерпнула у мастера по самосовершенствованию, когда однажды в Гуанчжоу сидела в лапшичной, убивая время после посещения биржи труда. Маленький телевизор стоял на застекленной витрине с банками молочных конфет «Белый кролик». Поначалу Фиби не обратила внимания на передачу, решив, что идут новости, но потом сообразила: это запись, а женщина, вдохновенный учитель жизни, рассказывает о коренной перемене

своей судьбы, наставляя других, как превратить приземленное неприметное существование в бытие неиссякаемой радости и успеха. Фиби нравился обращенный на нее прямой взгляд наставницы, и она даже смутилась, устыдившись своих неудач и полного отсутствия хотя бы крохотных достижений. Сияющие лаком волосы женщины смотрелись благородно и отнюдь не старомодно. Она являла собой наглядный пример того, как зрелая дама («женщина не первой молодости», как сказала, рассмеявшись, наставница) может выглядеть красивой и успешной. В мудрых словах ее было много толковых подсказок, как достичь успеха. Будь у Фиби ручка и бумага, она бы записала каждое слово, всего она не запомнила, но в ней пробудилась отвага, порожденная наказом женщины не бояться самостоятельности и разлуки с домом. Казалось, наставница проникла в голову Фиби и подслушала все ее беспокойные мысли, она как будто была рядом с ней в бессонные ночи, наполненные тревогой о наступающем дне. Возникло такое чувство, будто гора свалилась с плеч и кто-то произнес: я с тобой, я понимаю твои беды и одиночество, мы — родственные души. Как только появятся деньги, решила Фиби, я куплю твою книгу. Откажусь от модной сумочки и нового смартфона, но приобрету твои мудрые слова и заучу их, точно Священное Писание.

Книга называлась «Секреты пятизвездочного миллиардера». Вот это Фиби запомнила накрепко.

И еще в голове засел совет касательно дневника, который наставница именовала «Журналом тайного “Я”» и куда надлежало записывать гнетущие страхи, превращавшие тебя в трусливого слабака, а также все свои мечты. Число добрых мечтаний должно преобладать над обременительными страхами, которые, будучи записанными,

уже не смогут тебе навредить, ибо их обуздают фантазии с соседней страницы. По достижении успеха надлежит в последний раз перечесть журнал и избавиться от него навсегда, посмеявшись над собственной былой трусостью и отсталостью, оставшимися в далеком прошлом. Ты вышвырнешь свои записи в реку Хуанпу, и твое прежнее «я» сгинет, уступив место славному новорожденному плоду твоих мечтаний.

Фиби завела дневник шесть месяцев назад, однако пока что мечты не пересиливали страхи. Но скоро это произойдет. Неизбежно.

Нельзя, чтобы этот город меня раздавил.

Фиби оглядела кафе. Горчично-серые стулья, голые бетонные стены, создававшие впечатление неоконченного ремонта, что так и было задумано, ибо считалось модным. Иностранцы на террасе подставили лица солнцу, не боясь, что кожа их огрубеет. Один посетитель встал и направился к выходу, освободив столик рядом с любителем бразильской музыки. С парнем была девушка. Возможно, сестра, не подружка.

Фиби села за освободившийся столик и слегка отвернулась — мол, соседи ее ничуть не интересуют. Но день выдался солнечный — близился Праздник середины осени[1], стояла чудная золотистая пора, прямо-таки располагавшая к мечтаниям, и в оконном стекле отчетливо читалось отражение пары. Девушка вся купалась в искрящемся свете, словно в лучах театральных софитов, а парень был пополам разрезан тенью. Временами он подавался вперед

1 Один из главных праздников в китайской культуре, известный как «Фестиваль лунных пряников». — *Здесь и далее примеч. перев.*

и тогда входил в световое пятно целиком. Кожа его казалась восковой.

Девушка склонилась над журналом, и Фиби поняла, что никакая она не сестра, но подружка. Падавшие на лицо волосы не позволяли судить о ее внешности, хотя одна только поза ее была красива. Мешковатая черная майка, испещренная бессмысленным набором надписей типа PEACE$$$€♥♥PARIS наподобие граффити, смотрелась, если честно, кошмарно и превращала ее обладательницу в бесформенного призрака, но явно стоила кучу денег. Сумка, лежавшая возле ее ног, была из такой мягкой кожи, что почти что растеклась по полу и походила на экзотического домашнего питомца. Фиби ужасно захотелось погладить ее по боку в узоре перекрестных линий, чтоб узнать, каков этот зверек на ощупь. Опять подавшись вперед, парень случайно перехватил взгляд Фиби в оконном отражении. Он что-то сказал на шанхайском диалекте, который Фиби не понимала, и девушка бросила на нее взгляд искоса. Местные девицы в совершенстве владели подобным взглядом, не требовавшим поворота головы. Тем самым они демонстрировали прекрасный овал лица и полную незаинтересованность в объекте, заставляя этот объект почувствовать себя ничтожеством, не стоящим прямого взгляда.

Фиби тотчас отвела глаза. Щеки ее горели.

Не позволяй другим тебя растоптать.

Иногда Шанхай давил на нее весом десяти небоскребов. Люди здесь невероятно заносчивы, их выговор режет ухо. Кто-нибудь заговорит с тобой на местном диалекте, и уже от одних этих звуков становится не по себе. Сюда Фиби приехала полная надежд, но порой ночами, уже поверив

тайному журналу все свои страхи и огорчения, чувствовала, что кувырком катится вниз и нет ей пути наверх. Похоже, ставка ее проиграла.

Родилась и выросла она не в Китае, но в городке на северо-востоке страны, что лежала в тысячах миль к югу от Поднебесной. Она привыкла, что даже на родине выходцев из ее бедной глубинки считали ущербными. В жизни городка ничто не менялось полвека и, видимо, уже не изменится никогда. Приезжие из столицы находили поселение очаровательным, но им не приходилось в нем жить. Здесь не было места для фантазий и дерзновений, вот и Фиби ни о чем не мечтала. Она поступила, как все прочие юноши и девушки, которые, в шестнадцать лет окончив школу, перебирались через горный хребет, деливший страну надвое, искали работу на западном побережье и постепенно продвигались на юг, пока не оказывались в столице.

Вот чем занимались ее друзья, в тот год уехавшие из дома. Ученик официанта. Подручный торговца фальшивыми часами. Администратор в караоке-баре. Рабочий на конвейере фабрики полупроводников. Барменша. Мойщица голов в парикмахерской. Доставщик фляг для кулеров. Уборщица в ресторане морепродуктов. (Первая работа Фиби была среди перечисленных, но она предпочитала не уточнять, какая именно.) Пять лет на подобных должностях тянулись очень медленно.

А потом ей повезло. Исчезла одна девушка. Все думали, что угодила в беду, поскольку хороводилась с бандитом, этаким отпетым уголовником, какого не представишь своим провинциальным родителям. Говорили, вско-

ре девица скатится до наркотиков и проституции, и никто в этом не сомневался, ибо однажды она появилась с большим нефритовым браслетом и фингалом под глазом. И тут вдруг Фиби получила от нее письмо по электронной почте. Оказалось, девушка вовсе не в беде, а в Китае. С нее хватит, решила она и одним прекрасным утром умотала прочь, не уведомив своего дружка. Накопленных денег ей хватило, чтобы добраться до Гонконга, где некоторое время она служила администратором в караоке-баре (ничего зазорного, все так делают, и потом, это было недолго), а затем нашла работу в Шэньчжэне. Теперь она метрдотель ресторана, не какой-то там, знаешь ли, забегаловки, а стильного международного заведения, и у нее под началом шестнадцать человек. Есть даже своя квартира (прилагалось фото небольшого, но светлого и современного жилища, где на стеклянном столике стояла ваза с пластиковыми розами). И вот дело в том, что она встретила бизнесмена из Пекина, который хочет на ней жениться и увезти ее на север, но прежде надо все уладить с «Новым Мировым Рестораном». Здесь востребован только отменный персонал. «Приезжай! Насчет визы не беспокойся. Организуем». В конце письма красовались две улыбчивые и одна подмигивающая рожицы.

Каким же восхитительным было то время, когда они переписывались по нескольку раз на дню! Что брать из одежды? Зима там холодная? Какие туфли подойдут к униформе? С каждым ответом из Китая Фиби чувствовала, что поднялась еще на ступеньку по лестнице жизненного успеха. Парикмахерская, где она работала, теперь казалась жалкой, а клиенты — мелкими людишками, не сознающими своей ничтожности. Если кто-нибудь делал ей замечание за рассеянность, про себя она только смеялась, ибо знала, что очень скоро сама будет отдавать приказания

и оставлять чаевые. Ее ждали приключения и всякое такое, что этим людям даже не снилось.

За пару недель Фиби скопила денег на билет до Гонконга и дорогу в Шэньчжэнь; дальше все пойдет как по маслу: работой она обеспечена, месяц-другой поживет у знакомой, пока не подыщет себе квартиру. «О деньгах не беспокойся, — заверила подруга, — тебе сразу положат хорошее жалованье. Отныне все возможно. Захочешь — откроешь свое дело в любой сфере, вон бывшие официантки, всего год назад бросившие работу, уже разъезжают в машинах с шофером. Новый Китай изумителен, сама увидишь. Никто не донимает вопросами, всем плевать, откуда ты родом. Главное — что ты можешь. Если справляешься с работой, место твое».

Говорят, с прошлой жизнью расставаться тяжко и в день отъезда ты бы все отдал, чтоб только остаться дома. Но это верно лишь для тех, кому есть что терять. У других иначе. Отъезд — это вздох облегчения.

Переписка, полная восклицательных знаков, продолжалась, но была уже не столь активной, и вот когда Фиби, ожидая поезда на Шэньчжэнь, зашла в интернет-кафе возле станции Восточный Цим-Ша-Цуй и впервые за четыре дня проверила почту, то не обнаружила ни одного письма и даже короткого сообщения типа «Поспеши, я уж вся извелась» с чередой улыбчивых рожиц. Добравшись до Шэньчжэня, она не сразу отыскала «Новый Мировой Ресторан» под гордо сиявшей вывеской меж двух одинаковых колонн в виде извивающихся золоченых драконов. Фиби узнала его по фотографиям, присланным подругой. Меню в стеклянном футляре на входе было верным знаком шикарного заведения. Но, приближаясь к дверям, Фиби вдруг почувствовала, как испуганно затрепыхалось сердце, словно летучая мышь чиркнула ее крылом

по щеке. Это ощущение не покинет ее во все время пребывания в Китае. Стеклянные двери были открыты, однако в помещении, несмотря на разгар дня, царил полумрак. Фиби вошла внутрь и увидела пустой зал без столов и стульев. Кое-где напольное покрытие было сорвано, на голом бетоне виднелись кляксы засохшего клея. Бар украшали бронзовые чеканки с сюжетами из китайских легенд и журавлями, летящими над горами и озерами. В дальнем конце зала грохотали инструменты и аппаратура рабочих. Мастеровые вроде как растерялись, когда Фиби их окликнула. Несколько дней назад ресторан закрылся, скоро здесь будет сетевое кафе «Хайдилао». Где сотрудники ресторана? Видимо, нашли себе другую работу. В Шэньчжэне ее навалом.

Дело дрянь, подумала Фиби.

Она пыталась дозвониться до подруги, но тщетно. Номер не используется, раз за разом извещал механический голос. Сколько ни набирала, ответ был один. Номер не используется.

Фиби пересчитала оставшиеся деньги и начала искать дешевый гостевой дом. Чистые улицы были запружены народом. Всякий человек выглядел так, будто спешит на деловую встречу, у всех была какая-то цель. В людском потоке, бурлившем вокруг, точно полноводная мутная река, Фиби стала различать определенные личности и вскоре видела только их. Одиноких девушек. Они были повсюду — бежали к автобусу, решительно вышагивали по тротуару, устремив перед собой немигающий взгляд, поочередно заходили во все заведения и оставляли там свои резюме — целые жизни, изложенные на одном бумажном листке. Никто из них не знал покоя, все они были в движении, все туда-сюда сновали в поисках работы, готовые отдать себя любому, кто захочет их взять.

Значит, вот как оно происходит, думала Фиби, вот что мне уготовано. За короткий отрезок времени она переместилась из одного мира в другой. Только что была без пяти минут метрдотелем шикарного ресторана, а через мгновение стала работницей-мигранткой. Новая ипостась возникла из ничего, словно судьба показала фокус. Бесприютная, безработная, одинокая. Говорят, что, встретив людей со схожей судьбой, ты чувствуешь себя лучше, менее одинокой, но Фиби в это не верила. Сознание, что она ничем не отличается от миллионов девушек, только усугубляло ее одиночество.

Дверь в комнату гостевого дома не запиралась, и Фиби спала, свернувшись калачиком и крепко прижав сумку к животу.

Первые месяцы в Шэньчжэне пролетели как один день. Фиби сменила несколько работ, о которых сейчас не хотела вспоминать. Может, когда-нибудь после, но не теперь.

Надейся только на себя. В этом мире нет истинных друзей. Поверив кому-нибудь, ты подвергаешь себя опасности и неприятностям.

Фиби получила работу на фабрике «Гуандунская компания высококачественной одежды», выпускавшей модную европейскую продукцию не самых известных дорогих марок, но яркую и цветастую. Швеи говорили, что эти вещи ничуть не хуже, зато дешевле. Видимо, на Западе даже богачи предпочитали сэкономить. Сама Фиби ничего не взяла бы из данного выбора юбок, жакетов и блузок, считая их не стильными. В ее обязанности входил учет заказов и накладных. Должность не утомительная, и все равно по ночам Фиби плакала. Рабочие часы тянулись нескон-

чаемо, а вечерами приходилось соседствовать с уймой других девушек. Фиби воротило от вида их исподнего, развешанного на просушку во всех сырых комнатах и коридорах общаги. Куда ни пойдешь, всюду веревки с мокрым бельем, весь дом пропах стиральным порошком и потом. День и ночь — свары и плач. Все это было жутко противно, особенно ночные рыдания. Похоже, все считали, что в темноте их хлюпанья не слышно. Надо валить отсюда, думала Фиби, я им не чета. Но пока что не было иного выбора.

Вдобавок тяготили зависть и сплетни. (Как это она с ходу получила такую хорошую работу? Почему это новенькую посадили в контору, а не отправили в цех? Говорят, она вообще здесь без году неделя.) Фиби так и подмывало разъяснить, что, во-первых, она знает английский и владеет кантонским диалектом, языком всех богатых фабрикантов на здешнем юге. А во-вторых, она просто лучше остальных. Но ей хватало ума помалкивать. Она боялась девиц, приехавших из крупных провинций и сплотившихся в большие группы, особенно уроженок Хунаня, которые торговали изделиями, украденными с фабрики, и грозились убить всякого, кто их заложит. Часто случались драки. Кланы не давали своих в обиду, девицы из Сычуаня друг за друга стояли горой, да и приезжих из Анхоя, готовых к отпору, тоже хватало. И только Фиби была одна, но знала, что всех их превзойдет благодаря своей смекалке. Она хорошо запомнила совет самодельной миллионерши: *не кичись умом, оставайся в тени*. Надо выдержать зависть, одуряющий запах и ночные рыдания. Но сколько еще терпеть?

Не позволяй слабакам утянуть тебя на дно. Ты — яркая звезда.

Над своей койкой она повесила портрет популярного тайваньского певца. Вырванная из журнала страница с рекламой коровьего молока была все же украшением получше, нежели развешанные на веревках трусы. Стоило немалых трудов прикрепить ее скотчем к стене, покрытой глянцевой масляной краской, из-за высокой влажности верхний край листка то и дело отставал. Но Фиби упорно приклеивала картинку, чтобы смотреть на артиста и мечтать о мире, где никто не плачет. Нашелся ракурс, в котором они с певцом были одни во всем белом свете. Фиби нравились его мягкая улыбка и влажные глаза, и даже дурацкие молочные усы над верхней губой выглядели привлекательно. Глядя на портрет, она чувствовала, как в душе расцветает надежда. Нежный облик кумира позволял забыть о суровости жизни и вселял веру, что, постаравшись, Фиби заставит мир оценить ее подлинную внутреннюю красоту. Может, когда-нибудь она станет девушкой артиста. Ну да, конечно, это всего лишь глупая фантазия, но его мечтательный взгляд напоминал о мальчишках, вместе с которыми она росла и которые навсегда запомнятся подростками, хоть давно перебрались в большие города и теперь торгуют бумажниками из фальшивой кожи, а то и, втихаря, амфетамином. Детство было таким счастливым, а потом вдруг все очень быстро стали взрослыми, включая ее саму.

Экая вы, голубушка, молоденькая. Вот что давеча сказал ей новый начальник отдела. Он из Гонконга; не толстый и не худой, не урод и не красавец, просто мужчина из Гонконга. Приезжал раз в месяц и четыре-пять дней проводил на фабрике. Он неизменно звал ее в свой кабинет и одаривал гостинцами — пакет невероятно сочных мандаринов, маленькие сахарные ананасы с Тайваня, иностранные шоколадки, на вкус горькие и мучнистые, — деликатесами, какие могут позволить себе путешествен-

ники. Корзинка с фруктами была завернута в жесткую морщинистую пленку, громко шуршавшую, стоило к ней прикоснуться. Фиби не представляла, как все это пронести через огромный двор с баскетбольной и волейбольной площадками, где хранить и как объяснить соседкам происхождение даров. Зависть к ней не угасла, волна ее лишь временно спала, но в любой момент могла превратиться в цунами. Фиби понимала, что это нехорошо, что она ничем не заслужила такие подарки, но от вида яркой спелой хурмы чувствовала себя особенной. Кто-то ее заметил и озаботился купить ей вкусности. Такого не случалось уже давно, и она приняла подношение.

Фиби шла по коридору общаги, ловя на себе завистливые взгляды соседок. Вся в испарине, она чувствовала, как виновато разбухшее сердце стало тяжелее корзинки с дарами. Однако дверь в спальню открыла уверенно и безумолчно затрещала:

— Эй, смотрите, что у меня есть! В Гонконге моя кузина вышла за очень богатого человека. Я не смогла поехать к ним на свадьбу, и они кое-что прислали с праздничного застолья. Давайте, давайте, угощайтесь!

— А ты не говорила, что родом из Гонконга.

— Да, я жила в приграничном округе «Новые территории».

— Ну тогда понятно, откуда ты знаешь кантонский диалект, — сказали соседки, набрасываясь на фрукты. — А то мы думали, ты нарочно его выучила, чтоб подмазаться к начальству.

Вот как оно бывает в Китае, думала Фиби, глядя на новых подруг, расправлявшихся с угощением. Все меняется в мгновенье ока.

С тех пор все девушки, узнав, кто она такая, стали относиться к ней дружелюбно: стирали ее вещи, если она

работала сверхурочно, и даже говорили о личном — о родных местах, неурядицах с парнями и своих устремлениях. Как-то раз Фиби разговорилась с одной девушкой, вообще-то не подругой, просто иногда в обеденный перерыв они сидели рядом в фабричной столовой. У собеседницы зазвонил мобильник, она глянула на экран и, досадливо сморщившись, протянула телефон Фиби:

— Это парень, с которым я порвала, достал уже меня.

Фиби взяла трубку.

— Говорит кузина твоей бывшей подруги, — не здороваясь, сказала она. — Теперь это мой номер. У твоей пассии новый парень, богатый и образованный, не чета тупой деревенщине вроде тебя. Отцепись от нее, иначе я устрою тебе веселую жизнь. Мне известны твое имя и гадюшник, где ты работаешь.

«Ну ты даешь, Фиби!» Все вокруг смеялись и хлопали ее по плечу.

В первый выходной того месяца она вместе с другими девушками пошла в кино. Заглянули в закусочную, взяли молочный коктейль «Пенистый чай» и коробку *такояки* — шариков из теста с начинкой из вареного осьминога, которые уплетали, под руку разгуливая по вечернему рынку, точно школьницы. Девушки воротили нос от развалов, забитых нейлоновой одеждой в блестках, еще дешевле той, что они шили на фабрике. Динамики оглушали ритмами, от которых екало и сбоило сердце. Красота! Уловив знакомый запах с жаровен, Фиби почувствовала себя почти что дома. Афиши объявляли о концерте того самого тайваньского певца, и цена билетов не казалась чрезмерно высокой.

— Давайте поднакопим денег и сходим на концерт! — предложил кто-то. — Фиби, ты же его поклонница, верно? Можем скинуться и купить тебе билет, ты же нас всегда

угощаешь. Говорят, некоторые песни Гари исполняет на кантонском диалекте, и ты нас обучишь ему подпевать!

Предложение, конечно, порадовало, но Фиби понимала, что все это пустые слова и никто ей билета не купит.

Она приглядела себе черный топик, расшитый блестящим бисером, но подруги ее отругали:

— Ты что, сорок юаней! Дорого! Вот все вы, новенькие, такие — тратите деньги на всякую ерунду, нет чтобы послать домой! И потом, тебе надо что-нибудь красивое, что подчеркнет твою ладную фигурку, а не этот старушечий наряд.

Но Фиби все равно купила топик. Ей понравилась вышивка — красная роза, каждый лепесток окаймлен серебристым бисером.

Но жизнь меняется так же быстро, как погода, когда осенние деньки, солнечные и бодрящие, вдруг уступают место промозглой зимней стуже. Фиби это уже поняла. В Китае все движется, нет ничего постоянного. Тем, кого любят, не стоит рассчитывать на вечную любовь. Ее не сохранить, на такую любовь нет прав.

Фиби принесла в общагу третью корзинку с фруктами и деликатесами. В этот раз были сушеные гребешки и консервированные морские ушки, которых никто из девушек не пробовал прежде. Устроили совместный пир.

— Нам такая роскошь не по чину, — сказала одна девушка. — Если б не Фиби, никогда не отведали бы.

— И то! — подхватила другая, набивая рот рисом. — А вот начальник Линь говорит, что в Гонконге этим никого не удивишь, там это обычная еда.

— Тебе-то откуда знать? Когда это ты болтала с Линем?

— Твоя правда, я с ним двух слов не сказала. Он разговаривает только с Фиби.

— Лучше бы не надо, — отшутилась та. — Он жуткий зануда. Я с ним общаюсь лишь по дурацкой работе.

— Похоже, ты ему глянулась. Он тебя даже в кабинет вызывает.

— Ага, чтобы взгреть за невыполненные дела. Ладно, ешьте, ешьте!

В следующем месяце господин Линь, едва приехав, позвал к себе Фиби и закрыл дверь кабинета с неизменно опущенными жалюзи. На сей раз он привез не фруктовую корзинку, но коробочку, из которой достал мобильный телефон последней модели — без кнопок, только с гладким стеклянным экраном. Такой сгодился бы дочери олигарха или владелице большой компании. Фиби даже не знала, как он включается.

— Но у меня уже есть телефон.

— Берите, берите. Подругам скажете, мол, выиграли на конкурсе.

Фиби повертела аппарат в руках и поднесла к лицу. Экран был точно зеркало, она видела свое отражение.

— Нравится? — Господин Линь неслышно встал сзади и положил руку ей на задницу, от чего даже сквозь джинсы стало горячо. До самого вечера Фиби чувствовала, как горят ее ягодицы, словно мужская ладонь, пробывшая на них всего полминуты, а то и меньше, выжгла на коже тавро.

— Что стряслось с твоей гонконгской кузиной? — спросили соседки. — Где продовольственный паек? Видать, родственница внезапно померла и превратилась в призрака.

На следующий день полиция забрала двух девушек из Шаньси. Фиби спросила, в чем дело. Оказалось, у них не было документов, они приехали нелегально, причем одна — несовершеннолетняя.

— Я думала, бумаги не имеют значения, раз уж хозяин не донимает вопросами, кто ты и откуда, — сказала Фиби.

— Так-то оно так, — усмехнулась соседка, — однако правила есть правила. До поры до времени можешь ими пренебрегать, но если кто-нибудь настучит, тогда уж держись. Тут почти все в чем-нибудь врут, и это сходит с рук. Кому какое дело, что у тебя нет правильного *хукоу*[1] или твои документы фальшивые? Но если начнешь выдрючиваться, тебе устроят подлянку. Этих девок не любили, уж больно наглые, вот и нажили себе врагов. А чего они хотели, если считали себя лучше других? Говорю же, все до поры до времени.

Однажды Фиби вернулась с ночной смены и увидела, что портрет поп-звезды над ее койкой испохаблен фломастером. Гладкий лик усеивали черные точки угрей, теперь певец был в круглых темных очках и с кошачьими усами торчком.

Время истекало. С самого приезда Фиби чувствовала, что дни один за другим исчезают в бездне неудачи. Все работала и работала как заведенная, а жизнь вела обратный отсчет до момента, когда она станет никем, о ком никто и не вспомнит.

В обеденный перерыв Фиби вышла во двор и уселась на каменный бортик волейбольный площадки. Она понимала, что нужно действовать, иначе всегда и везде об нее будут вытирать ноги. Серые бетонные корпуса общежития, с четырех сторон окружавшие двор, застили свет. Из одного распахнутого окна неслась кантонская попса, в другом виднелся телевизор — повторяли репортаж о победах китайских спортсменов на Олимпиаде. В кадре

1 Китайский регистрационный документ вроде паспорта.

был сектор прыжков в высоту. Долговязая блондинка сделала две неудачные попытки, неуклюже сбив планку. Еще один заход — и она выбывает из борьбы, что вообще-то не имело значения, поскольку никакая медаль ей не светила. И тут прыгунья сделала нечто такое, от чего Фиби аж вздрогнула. Спортсменка заказала высоту, до которой пока что не добрался никто из лидеров соревнования и которая превосходила ее личный рекорд. Она дважды потерпела неудачу на меньших высотах, однако решила совершить невозможное. Девушка хотела допрыгнуть до звезд, и терять ей было нечего, поскольку она и так занимала последнее место. Готовясь к прыжку, блондинка сжала и разжала кулаки, встряхнула кистями, а потом широким пружинистым шагом начала разбег. Фиби встала и отвернулась. Она не хотела знать, чем все закончится, это было неважно. Главное — светловолосая девушка пошла ва-банк.

Свой новый дорогой мобильник Фиби выгодно продала девице из Сычуаня, приторговывавшей в общаге. Прежде чем заглянуть к начальнику Линю, она вымыла голову, сделала прическу и надела обтягивающие джинсы, которые обычно приберегала для выходных. Невероятно тесные, они врезались в промежность, когда Фиби садилась.

— Милочка, выдача жалованья ранее установленного дня будет грубейшим нарушением правил, — сказал господин Линь, а сам уже набирал номер бухгалтерии.

— Да ладно, месяц-то почти закончился, всего неделя осталась. — Фиби намотала прядь на палец и кокетливо наклонила голову, как делали ее товарки, болтая с симпатичными фабричными охранниками. — И потом... — она хохотнула, — наши отношения слегка выходят за рамки правил, верно?

Фошань, Сонси, Дунгуань, Вэньчжоу — все это не для нее. Она поднимет планку до небес. Ей сгодится только самый большой и красивый город.

За соседним столиком девушка по-прежнему проглядывала журнал, а парень отправлял сообщения. Иногда, получив ответ, он смеялся, но девушка никак не откликалась и продолжала перелистывать страницы. Парень кинул взгляд на Фиби, и сперва ей показалось, что она видит на его лице знакомое презрительное выражение. Но потом поняла, что он лишь щурится от солнца. Ее он просто не замечал.

У девушки зазвонил телефон, и она стала рыться в сумке, выкладывая содержимое на стол. Его оказалось изрядно: патрончики губной помады, связка ключей, ежедневник в кожаной обложке, авторучка, какие-то квитанции и скомканные салфетки. Девушка ответила на звонок, после чего вскочила и начала торопливо запихивать все обратно в сумку. Парень хотел ей помочь, но она лишь досадливо сморщилась и уронила монету в пять мао[1], подкатившуюся к ногам Фиби. Та нагнулась и подняла ее.

— Не беспокойтесь, — через плечо бросил парень, следуя за подругой. — Это мелочь.

Они ушли, и Фиби заметила кое-что забытое ими на столе. Под салфеткой осталось удостоверение личности девушки. Глянув в окно, Фиби увидела, что пара стоит на тротуаре, пережидая поток машин, чтобы перейти улицу. Фиби еще успела бы их догнать и оказать безмерную

1 Мао — обиходное название цзяо, 0,1 юаня. В одном цзяо 10 фэней. То есть девушка уронила полтинник.

любезность, вернуть документ. Но она выжидала, чувствуя, как колотится сердце и пульсирует кровь в висках. Потом взяла пластиковую карточку. Бледное фото было нечетким — плоское лицо, напрочь лишенное изумительно острых скул оригинала. Любая молодая женщина в кафе могла признать в этом фото себя.

На улице парень взял девушку за руку, они перешли дорогу. Девушка все еще говорила по телефону, волоча за собой мягкую сумку, точно щенка. День выдался ясный, чуть тронутый осенней прохладой.

Фиби смахнула с карточки хлебные крошки и спрятала ее в свой кошелек.